

*Члену редакционного совета «Российского китаеведения»
Н.А. Самойлову 70 лет!*

А.В. Лукин¹

**Петербургский китаевед Николай Анатольевич Самойлов.
К 70-летию**

*祝贺《俄罗斯的中国学》
编委会委员N·А·萨莫伊洛夫七十寿辰！*

А · V · 卢金

*祝贺圣彼得堡汉学家尼古拉 · 阿纳托利耶维奇 ·
萨莫伊洛夫七十寿辰*

*On the Occasion of the 70th Birthday of N.A. Samoylov,
Member of the Editorial Board of Russian China Studies*

Alexander V. Lukin²

Nikolai Anatolyevich Samoylov, a Sinologist from St. Petersburg.

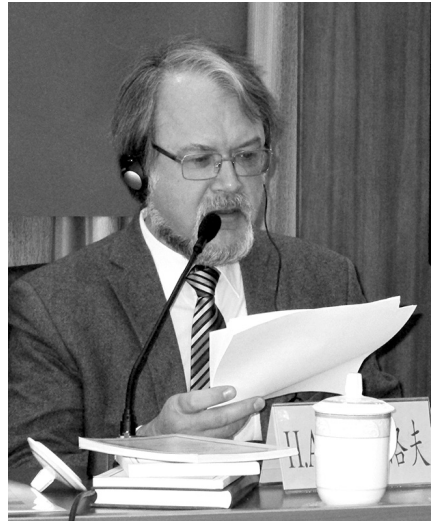
Впервые опубликовано в: Путь к нефритовому источнику: сборник статей к 70-летию профессора Н.А. Самойлова / сост., отв. ред. А.М. Харитонов. СПб.: Издательство РХГА, 2025. С.10–16.

В этом году моему дорогому другу и коллеге Николаю Анатольевичу Самойлову — 70 лет. Мы познакомились в конце 1984 г., то есть из этих 70 лет я знаю его более 40. И хотя встречаемся мы не так уж часто, потому что живем в разных городах, а бывало, что и в разных странах, но всегда мы поддерживали тесную связь, помогали друг другу, участвовали в совместных начинаниях, делились новостями, достижениями и публикациями, встречались, когда я приезжал в Питер, а он — в Москву, одним словом, сотрудничали.

¹ Лукин Александр Владимирович, доктор исторических наук, профессор, научный руководитель Института Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН); руководитель департамента международных отношений НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России. ORCID: 0000-0002-1962-2892. E-mail: lukin@iccaras.ru

² Alexander V. Lukin (Head), Dr.Sc. (History), Professor, Academic Head, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS); Head of Department of International Relations of HSE University, Leading Research Fellow, Institute for International Studies of MGIMO University. ORCID: 0000-0002-1962-2892. E-mail: lukin@iccaras.ru

За 40 лет каждый из нас прошел долгий жизненный и научный путь. Мы познакомились в 1984 г., когда оказались не только в одной группе молодых китаеведов, направленной министерством образования по программе межгосударственного обмена на стажировку в Китай, но и одной подгруппе проходивших эту стажировку в самом известном вузе Китая — Пекинском университете. Это была вторая советская группа после долгого перерыва, первая отправилась в Китай на год раньше и состояла всего из 10 человек. Наша группа была больше, уже 70 человек, из них в Пекинский университет распределили десятерых. В то время Николаю, как я с удивлением узнал, не было еще и 30, а мне и того меньше — около 23. С тех пор я, естественно, сильно изменился внешне, занимался самыми разными делами и научными направлениями, сменил несколько мест жительства и работы, изменил одежду, прическу, вес и даже немного рост, политические и научные взгляды и многое другое.

И все это время Николай служил для меня предметом восхищения и даже зависти как образец последовательности и постоянства. Взять хотя бы его внешность: 40 лет назад он выглядел совершенно так же, как и сейчас, а именно, как и положено выглядеть петербургскому профессору. Это человек серьезного вида с бородой и в очках, в пиджаке или чем-то близком к нему, конечно же, в брюках, с добродушным, живым, но иногда несколько отсутствующим взглядом, разговаривающий на прекрасном литературном языке очень вежливо и доброжелательно, независимо от собеседника и его намерений. Достаточно взглянуть на его фотографии тогда и сегодня, и все это станет очевидным, разница, возможно, только в том, что к своему облику он добавил некоторую благородную седину. Профессором он, конечно, тогда еще не был. Только за пару лет до этого Николай защитил кандидатскую и, кажется, занимал должность доцента, а может быть, даже преподавателя, но выглядел он, в отличие от всех остальных членов нашей группы, безусловно, уже на профессора, и было совершенно очевидно, что рано или поздно это абсурдное несоответствие между научным званием и внешним видом, а, точнее, всей его человеческой сущностью, будет устранено.

Увидев его, обращаться к нему сразу же хотелось по имени и отчеству, так как его солидность исключала всякую фамильярность. В крайнем случае, можно было сказать просто Николай. И не то чтобы он был против, он, конечно же, против бы не был, но возникало какое-то ощущение, что если назвать его как-то по-другому, скажем, «Коля», то он направит на вас свой приветливый, профессорский взгляд и произнесет: «Видите ли, молодой человек...». И вам сразу же захочется исправиться на «Николай Анатольевич».

Стажеры Пекинского университета В.Ф. Бородич, Н.А. Самойлов, А.В. Лукин,
Т.М. Емельянова на кампусе. 1984 г.

Н.А. Самойлов и А.В. Лукин с китайскими каллиграфами. Пекин, 1984 г.

Н.А. Самойлов фотографирует Лян Шумина. Пекин, 1985 г.

Н.А. Самойлов и А.В. Лукин с Лян Шумином после его лекции.

И в научном плане Николай Анатольевич демонстрировал необыкновенное постоянство: он все это время работал в одном университете, который сам за прошедшие годы сменил название, и на одном его факультете: прославленном востфаке. Он занимался одной областью — историей цинского Китая и его отношениями с внешним миром, прежде всего с Россией. За 40 лет, конечно, произошло многое. Профессор Самойлов объездил весь мир, работал и читал лекции в университетах многих стран, стал членом редколлегий авторитетных научных журналов и международных ассоциаций, возглавил кафедру, получил почетное звание «Заслуженного работника высшей школы Российской Федерации». Но ни своему городу, ни вузу, ни факультету он никогда не изменял.

Тогда, в 1984–1985 гг. наши 10 месяцев в Пекине пролетели быстро, но нам многое удалось успеть, познакомиться со страной, которая начала открываться миру, путешествовать по ней, подучить язык, познакомиться с интересными людьми. Я был приписан к философскому факультету, Николай — к историческому, но мы вместе гуляли по городу, ходили на разные лекции, обсуждали услышанное и увиденное.

Помню, как-то мы вдвоем пошли в только что созданную независимую Академию китайской культуры на конференцию, на которой выступал знаменитый философ Лян Шумин, автор нашумевшей еще в 1920-е гг. книги «Культура Востока и Запада и их философия». С ним меня познакомил один преподаватель нашего факультета чуть раньше. У меня сохранилось интересное фото: я заснял Николая, фотографировавшего Лян Шумина на выходе из здания академии. Тесный совместный опыт в необычных условиях, конечно, сближал молодых китайцев, многие остались друзьями на всю жизнь.

Несколько раз мы встречались в Петербурге и в Москве. Он заходил ко мне домой, я к нему. Он, как и положено петербургскому интеллигенту, жил тогда в каком-то дальнем районе в панельном доме, в небольшой стандартной квартире, так что сидели мы, кажется, на кухне. Кухонные разговоры продолжались и у меня в Москве в те разы, когда он не посещал наш банный китайведческий клуб, в котором собирались старые друзья, в том числе некоторые из тех, с кем мы делили трудности китайских стажировок. От людей, знакомых с петербургским китайведением, я слышал, что авторитет Николая в научных кругах растет, и мне это было приятно. Он защитил докторскую диссертацию о социокультурном взаимодействии России и Китая, в которой расширил охват своих исследований до XX в., стал, наконец, профессором, возглавил кафедру со сложным названием «Теории общественного развития стран Азии и Африки», где коллеги изучают не только Китай, но и другие регионы мира, периодически проводил интереснейшую конференцию «Православие на Дальнем Востоке», да всего и не перечислишь.

В 2013 г., работая в Дипломатической академии МИД России, я организовал в Институте мировых религий Китайской академии общественных наук в Пекине конференцию о православии в странах Азии. Для Китая, где отношение властей к «иностранным» религиям довольно настороженное, тема была несколько острой, китайские коллеги рекомендовали нам даже не упоминать православие в официальном названии мероприятия. Поэтому она получила уклончивое название «Российские культурно-исторические традиции и отношения России с государствами Восточной Азии», а ее участники должны были быть опытными и проверенными. И первым я обратился к

Николаю, который выступил на ней с блестящим докладом о роли Российской духовной миссии в Пекине для развития культурных связей между Россией и Китаем. А когда уже почти десятилетие спустя я стал главным редактором нового научного журнала «Российское китаеведение», то сразу же пригласил его в редакционный совет, где он представляет блестящую петербургскую китаеведческую школу.

На конференции в Институте мировых религий. Пекин, 2013 г.

Николай — яркий представитель этой школы, славной именами известных ученых, связанных в востфаком, таких как академики В.П. Васильев, С.М. Георгиевский, В.М. Алексеев и другие. Он продолжает их дело на одном из направлений — историческом. У него еще многое впереди, но я уверен: уже сегодня ясно, что его имя будет вписано в историю востфака, российского китаеведения, а значит, и всей страны.

И заголовок этой статьи не случаен. Здесь ударение на каждом слове. Во-первых, Николай Анатольевич — типичный петербуржец. В Москве и других регионах такой типаж давно исчез, и лишь в городе на Неве каким-то немыслимым образом сохранился, несмотря на все превратности истории. Во-вторых, он наследник и продолжатель дела славной школы петербургского китаеведения. И, в-третьих, он именно Николай Анатольевич, причем непременно перед фамилией, потому что вульгарное употребление имени и отчества после фамилии, связанное с необходимостью располагать даже уникальных людей в алфавитном порядке, могло возникнуть где угодно, но только не в интеллигентном Петербурге.

Но и это еще не все. Написав до этого места, я подумал, что не сказал чего-то главного о том, примером чего для меня служит Николай. Ведь это же, в конце концов, не внешний вид, до которого мне, совершенно ясно, никогда не дотянуть, потому что родился я не «на берегах Невы». Когда мы встречаемся, мы мало говорим о высоких материях, больше о китаеведении, его состоянии в России, о новых научных трудах и знаковых китаеоведах и, конечно же, о самом Китае. Но для меня Николай — пример истинного патриотизма, не того, о котором кричат на всех углах, а который начинается с малого и идет из самых глубин характера, склонного к умеренности и, как говорят в Китае, к «срединному пути». Николай — патриот своего дела, своего факультета, своего университета, своего города. Своей жизнью и трудом он делает их лучше. И тем самым он патриот своей страны. Побольше бы таких патриотов, и страна наша была бы гораздо стабильнее, наука и образование в ней процветали бы, и за ее будущее можно было бы не беспокоиться.